

Паата Бурчуладзе: «Претензий на гениальность у меня нет»

Большая опера видится на расстоянии

Андрей Хрипин

Казалось, еще вчера великий Караян назвал этого молодого грузина «вторым Шаляпиным», а сегодня ему 48 и он уже отмечает 25-летний юбилей своей мировой карьеры. Сегодня он поет во всех самых важных театрах, со всеми выдающимися дирижерами современности, все главные партии басового репертуара, но вершиной его творчества по праву считается образ Бориса Годунова, в котором ему удалось возродить шаляпинскую традицию.

Паата, когда-то на всю планету прогремели слова Караяна, который назвал вас «вторым Шаляпиным». Как он вас нашел?

Тарковского, в которой я пел в «Ковент-Гарден». Но самое большое удовольствие я получил от старого московского «Бориса», когда впервые пел его здесь в феврале. Важно, где ты поешь – в данном случае на месте происхождения.

Вас на Западе воспринимают как грузинского баса или как русского? Можно ли говорить о грузинской школе пения как о чем-то самостоятельном?

– Там я русский бас, и это для меня наивысший комплимент. Грузинская школа в принципе есть, но она касается прежде всего теноров и сопрано, отчасти баритонов. Когда меня спрашивают, к какой школе я себя отношу, отвечаю, что я представитель типичной русской басовой школы. В этих традициях меня воспитывали мой главный педагог – профессор Одесской консерватории Евгений Нико-

– Бытует мнение, что мировой оперный конвейер вращает мафия, то есть не талантливые артисты, дирижеры, режиссеры, но корпоративные интересы, игры импресарио и капитала. А вам как кажется изнутри?

– Не могу согласиться с этим. Какая мафия?! Просто каждый театр внутри и вокруг себя создает некую команду. Политики делают то же самое. А как еще работать? Так в любом деле. А кто в театре верховодит – так это смотря где. Есть разные театры. Где-то на первом плане певец, где-то диктат дирижеров, где-то все решают режиссеры. И если дирижерский диктат еще приемлем, то режиссерская тирания заканчивается очень плачевно. Иногда эти фантазии переходят все границы нравственности, особенно в Германии. То, что рассказала нам всем Гулегина, как ее 12 лет назад в Вене за-

– Продолжаете ли вы записываться?

– Сейчас мало записывают опер – всё уже записали. Кому нужна «Аида» номер пятьдесят пять?

Где ваш дом по ощущению?
– Трудный вопрос для человека с цыганским образом жизни. Наверное, в аэропорту, в театре. Грузия – конечно, но я там давно не живу. У меня есть квартира в Вене, квартира в Берлине, это удобно для перемещений по Европе.

Вы сейчас в прекрасной спортивной форме. Это ваша подруга Гулегина втянула вас в моржевание или вы сами занимаетесь модным сейчас самооздоровлением?

– Я сам поддерживаю свою форму, в нашем деле это очень важно. Принцип – ограничение. Когда много работы, то и застолий много – необходимо от этого отказываться, а по вечерам вообще мало есть. А что поделать?

Несмотря на внешность бонвивана, главный принцип Бурчуладзе – самоограничение.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

– Это длинная история. Начинается она с Конкурса Чайковского, на котором я победил. Важно поймать и не упустить этот момент удачи – хорошо спеть в нужное время в нужном месте. Так вот, в жюри был один человек, который позвонил в Лондон и рассказал там обо мне кому нужно. Тогда лондонский агент прислал в Госконцерт запрос на меня, те в ответ послали кусочек моей записи. В результате меня пригласили на прослушивание в «Ковент-Гарден». Спел пробу и тут же получил контракт на этот же год на премьеру «Аиды» – пел вместе с Паваротти и Риччарелли под управлением Зубина Меты. То есть так удачно вышло, что я попал в обоим. Об этом сразу же узнал Караян и вызвал меня на прослушивание в Зальцбург. В тот же год я уже пел с ним в «Дон Жуане» на Зальцбургском фестивале.

Караян не подавлял вас своим масштабом?

– Что вы! Наоборот, петь с ним было сплошным удовольствием.

А Мути?

– Да, в некоторых местах Мути немного давит на певцов. Но, повторяю, я не стану комментировать дирижеров. Так они чувствуют и имеют на это право. Скажу только, что и Гергиев, и тот же Мути в один день дирижируют так, а в другой – совсем по-другому. Вот на последнем Зальцбургском фестивале мы с Мути репетировали «Реквием» Верди в одном темпе, а на публике во второй раз он провел его в два раза медленнее.

Весь ли репертуар Шаляпина вы смогли бы повторить?

– В принципе все, что пел Шаляпин, я знаю. Но есть такие вещи, которые мне не по силам, которые я даже и трогать не буду.

Какого вашего Бориса вы особенно цените?

– Очень люблю нашего с Гергиевым «Бориса» в Мюнхене – этот современный, но очень чистый спектакль лет десять назад поставил Йоханнес Шваб. Нравится мне постановка Андрея

лаевич Иванов и его супруга, мой главный концертмейстер Людмила Иванова.

Это не слияние русской с итальянской, а именно чисто русская школа пения?

– Абсолютно.

Но тогда вам, наверное, пришлось на ходу приспосабливаться к «мировым стандартам», когда вы попали в большую оперу?

– Я это все умел, ведь я три года учился у Джульетты Симионато в Школе усовершенствования при «Ла Скала».

Бас вашего амплуа заключен между Борисом Годуно-

ставляли вместо Лизы изображать похотливую проститутку и ложиться перед Германом, это еще невинные штучки по сравнению с тем, что происходит теперь. По сцене беспрерывно ходят голые. А как вам понравится «Бал-маскарад», где открытыми дверями на вас смотрят одиннадцать туалетов? Много грязи бывает и в постановках «Бориса Годунова». В одной постановке режиссер видел его алкоголиком – я это все смягчал, как мог, но момент, когда Юродивый передает Борису бутылку водки, был просто ужасен.

То есть вы послушный актер?

Вообще-то я послушный, но, когда совсем невыносимо, начинаю защищаться

вым и отцами, жрецами, мудрецами в зарубежных операх. Какие новые роли у вас появились и что вы готовите?

– В основном у меня все старое, это зависит от театров – они предлагают. С другой стороны, роли того же Бориса или Филиппа в «Дон Карлосе» настолько неисчерпаемы, что их можно совершенствовать всю жизнь и так и не достичь идеала. Нового мало – в этом сезоне я впервые спел Осмина в «Похищении из сераля» Моцарта в Мюнхене, хотя это не мое прямое дело; все-таки эта музыка написана не для моего голоса, она слишком подвижна, и я не собираюсь на ней долго задерживаться. Есть намного более интересные вещи. Для «Метрополитен-опера» учу Кочубя в «Мазепе» Чайковского, Альвизи в «Джоконде» Понкьелли и для Афин Прочиду в «Сицилийской вечерне» – это единственная из центральных басовых партий Верди, которую я пока еще не спел. Мое дело – итальянский и русский репертуар. Так все считают.

– Да, но когда становится особенно невыносимо, начинаю защищаться.

В каких театрах самые высокие гонорары?

– Везде почти одинаково.

Но я знаю, что Холендер в Вене много не платит, да и у Ловия у него жесткие...

– Вот у него теперь почти никто и не поет. Например, у меня в этом году всего три спектакля в Венской опере – в декабре «Симон Боканегра». Но в любом случае это город, где надо показываться, поэтому иногда мы соглашаемся на компромисс.

Вас интересует отклик на ваше творчество?

– А как же. Если это непрофессионально, то, конечно, действует на нервы, а если критик разбирается, это важно прочесть. В принципе нет певцов без недостатков, начиная с Марии Каллас, так что все зависит от эмоционального настроения критика: самому получить удовольствие и донести его до читателя или все уничтожить.

В Грузии, как и на Украине, поют все, но, наверное, в семье должны быть особые понятия, чтобы наследник рода пошел в певцы?

– Я никогда не хотел петь и в юности не считал это серьезным делом. Мой отец был профессором политехнического института, мама – педагогом английского языка. Но они меня всегда толкали к пению. Я окончил музыкальную семилетку по фортепиано и по просьбе родителей поступил в Тбилисскую консерваторию на вокал, благо, голос у меня всегда был, а по собственному желанию – в вечерний политех на ПГС (промышленное и гражданское строительство). К сожалению, сейчас от всего этого остался только диплом, так что если вдруг я построю дом, то не советую туда никому въезжать.

Чем занимаются ваши дети?

– У меня два сына от первого брака, один в Вене, другой в Тбилиси, но они не певцы. Чем они занимаются, я бы не хотел говорить.

А жена не поет?

– Слава богу, нет, Анжела – врач по образованию, нам хватит и одного больного человека в доме.

Из досье «НГ»

Паата Бурчуладзе родился в 1955 году в Тбилиси, в семье профессора и учительницы. Закончил одно- временно Тбилисскую консерваторию по классу вокала и политехнический институт. В 1981 стал лауреатом конкурса им. Чайковского. В 1985 г. Выиграл Международный вокальный конкурс имени Лучано Паваротти. После сенсационного выступления в партии Рамфиса в «Аиде» в Ковент-Гарден началось его стремительное восхождение к вершинам вокальной славы. С тех пор Бурчуладзе поет в лучших театрах мира – в Ла Скала, в Вашингтонской опере, в Метрополитен опера, в Венской Штаатс опер. Иногда, но очень редко, приезжает в Москву. Выступает с сольными концертами по всему миру. Женат. Имеет двоих взрослых сыновей.